

проследить более локальные сюжеты относительно истории формирования, «собирания» этого сообщества, его внутренних и внешних границ, его особые маркеры, прежде всего – маркеры самоидентификации.

На макроуровне выявленные сведения могут стать частью общей картины «социального портрета эпохи» и внести некоторый вклад в изучение, например, истории жизни и деятельности российского дворянства, служилого сословия вообще, особенностей повседневности государственной службы в России той эпохи и пр.

Берк П. Историческая антропология и новая культурная история // НЛО. 2005. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/istoricheskaya-antropologiya-i-novaya-kulturnaya-istoriya.html> (дата обращения: 10.09.2024).

Дингес М. Историческая антропология и социальная история : через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // Одиссей. Человек в истории. История в сослагательном наклонении? М. : Наука, 2000. С. 96–125.

История через личность : историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. 2-е изд. М. : Квадрига, 2010.

Репина Л. П. «Новая историческая и социальная история». Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Изд-во ЛКИ, 2009.

Репина Л. П. Биография в контексте «глобальной микроистории» // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева) : сб. тр. Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Чебоксары: ИД «Среда», 2019. С. 12–18.

Цеменкова С. Выпускники Морской академии на горных заводах Урала: служба и судьба // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 5. С. 1753–1769.

Цеменкова С. И., Черноухов А. В. Руководители аппарата горнозаводской власти Урала в 20-е – 50-е гг. XVIII в. : биогр. справ. СПб. : Алетей, 2022.

УДК 94«17»

Е. В. Бородина
Институт истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург

ВОЕВОДСКАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ И ЕЕ ОБСТАНОВКА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII в.

Статья посвящена характеристике внешнего вида и внутренней обстановки воеводских канцелярий в России первой половины – середины XVIII в. Основной задачей исследования было выяснение того, насколько изменился облик региональных органов власти в результате преобразований Петра Великого. В ходе анализа опубликованных и неопубликованных источников и сведений, содержащихся в научных трудах по избранной

проблематике, автор статьи пришел к следующим выводам. Внутреннее убранство и внешний вид зданий местных учреждений соединяли в себе черты построек XVII и XVIII вв. Требования к обстановке воеводских канцелярий, прописанные в Генеральном регламенте 1720 г., не могли быть реализованы в полной мере. Здания местных органов власти в основном требовали ремонта или перестройки, что не могло не влиять на восприятие власти местным населением.

Ключевые слова: история России, Российская империя, XVIII в., история управления, воеводская канцелярия, Генеральный регламент.

История управления и суда не может быть досконально изучена без понимания того, каким образом было организовано пространство канцелярии органов власти, проводивших в жизнь повеления высших и центральных учреждений, а также отвечавших на разнообразные запросы местного населения. Исследования, посвященные реконструкции внутреннего убранства региональных канцелярий, представляются значимыми, так как позволяют понять, какой образ власти складывался у посетителей государственных структур, какими они видели местные учреждения.

Историография вопроса представлена разнообразными по изучаемой проблематике и объему научными трудами. В наибольшей степени рассматриваемая проблематика занимает археологов и специалистов, занятых музеефикацией объектов историко-культурного значения. Среди них следует отметить исследования, посвященные изучению строений и помещений приказов московского Кремля [Бакланова, 1927; Макаров и др., 2020] и восстановление внешнего и внутреннего облика приказных палат, построенных в конце XVII в. в Пскове [Спегальский, 1978, с. 106–108; Плоткин, 1988]. Кроме того, некоторые сведения о местоположении и внутреннем убранстве «приказных палат» содержатся в трудах по истории градостроения и архитектуры России XV–XVIII вв. [Мильчик, 2008; 2013].

Обращает на себя внимание малое количество работ, посвященных истории материального мира государственных учреждений Российской империи XVIII в. Между тем, в первой четверти XVIII в. были артикулированы требования к обстановке и составу помещений (камор) любого органа власти [Huges, 2000, p. 109]. В наибольшей степени вопросы реконструкции внутренней обстановки канцелярий оказались разработаны в монографии Ю. В. Готье [Готье, 1913, т. 1, с. 166–176]. Тем не менее, требуется дальнейшая разработка проблематики. В первую очередь это важно для понимания того, насколько установленные Генеральным регламентом 1720 г. нормы, регламентирующие внутреннее убранство канцелярий, соблюдались после смерти Петра Великого.

Следует отметить, что во второй половине 1720-х – в 1760-е гг. ведущими органами власти в регионах являлись воеводские, провинциальные и губернские канцелярии. По мнению Ю. В. Готье, «с преобразованиями 1727 г. помещения и оборудование губернских и провинциальных [канцелярий] не изменились. Иначе было с учреждениями городскими и уездными» [Готье, 1913, т. 1, с. 167]. Повсеместное возвращение всей полноты власти воеводам на местах заставляло задуматься о состоянии домов, необходимых для размещения их канцелярий в уездах.

Пункт 48 «Наказа, или инструкции губернаторам, воеводам и их товарищам» от 1728 г. указывал, чтобы воеводские и губернские канцелярии размещались в бывших приказных избах, или палатах [ПСЗ РИ-1, № 5333, с. 111]. Правда, историки отмечают, что в рассматриваемый период многие административные здания стали ветхими или уже развалились [Готье, 1913, т. 1, с. 167]. Например, в Вятке 1733 г. канцелярия воеводского правления представляла собой крытое тесом деревянное ветхое здание, стоящее «на подклетах и на подпорах» [РГАДА, ф. 425, оп. 2, д. 47, л. 2а]. Во все 20 окон воеводской канцелярии была вставлена слюда [Там же].

В некоторых городах также существовала проблема с подготовкой для региональных администраторов и их семей дворов для жизни на период службы [Готье, 1913, т. 1, с. 167]. Не случайно п. 48 «Наказа» предписывал «управителям» «жить по прежнему, где есть, в губернаторских и воеводских и в прочих свободных казенных дворах, где прежние воеводы жили, а где оных нет, то и на монастырских городских подворьях, покамест воеводские дворы не будут построены» [ПСЗРИ, 1830, т. 8, № 5333, с. 111].

Таким образом, воеводские канцелярии XVIII в. размещались в деревянных, реже – каменных зданиях, построенных в конце XVII в. либо возведенных после обветшания или пожара старых съезжих изб в традициях предыдущего столетия [см., например: Готье, 1913, т. 1, с. 172; Мильчик, 2008, с. 29; 2013, с. 32; Академическая история Югры, 2024, т. 4, с. 302]. В ряде случаев воеводские канцелярии являлись частью комплекса сооружений крепости или острога. В частности, в югорских уездах воеводская канцелярия была встроена в стену острога, выходящую на реку [Академическая история Югры, 2024, т. 4, с. 301]. Примечательно, что в течение первой половины XVIII в. в некоторых регионах страны роль крепостных сооружений постепенно снижалась. Внимание к содержанию укреплений переносится на другие управленческие задачи. В частности, в росписном списке за 1733 г. указывалось, что «в Хлынове городе городского каменного и деревянного строения не имеетца, толко земляной вал» [РГАДА,

ф. 425, оп. 2, д. 47, л. 1об.]. Наряду с объективными причинами (постепенной утратой некоторыми городами военных функций) это являлось свидетельством изменения образа власти, который формировался монархом и его окружением через своих представителей в местных учреждениях. Стоит заметить, что «демилитаризация» не означала четкого понимания того, как должны выглядеть казенные здания в различных регионах Российской империи. Во многом они сохранили прежний облик.

По мнению Ю. В. Готье, внутренняя обстановка воеводской канцелярии также больше напоминала «убранство московских приказов XVII в.» [Готье, 1913, т. 1, с. 170]. В частности, как и в предыдущем столетии, в любой канцелярии имелись иконы. Например, в Вятской провинциальной канцелярии имелось семь «икон разных именовании окладных серебряных под золотом» и три иконы с медными окладами [РГАДА, ф. 425, оп. 2, д. 47, л. 2а]. В росписных списках Сургутской воеводской канцелярии 1741 и 1760 гг. также дается характеристика имевшихся в ней икон [РГАДА, ф. 800, оп. 1, д. 29, л. 1–1об.; Русское старожильческое население..., 2007, с. 519]. В соответствии с традициями XVII в. стены, столы и стулья воеводских канцелярий XVIII в. обивались тканью [РГАДА, ф. 425, оп. 2, д. 47, л. 2а; Русское старожильческое население..., 2007, с. 519–520; Мильчик, 2013, с. 31, 166].

Тем не менее, даже в казалось бы «старой» обстановке можно было встретить новые элементы, требовавшиеся Генеральным регламентом 1720 г. В частности, помещения воеводских, провинциальных и губернских канцелярий требовалось снабдить зеркалами. В росписном списке Сургутской воеводской канцелярии 1741 г. было зарегистрировано два настольных зеркала с указами, «наклеенными на доске письменных» [РГАДА, ф. 800, оп. 1, д. 29, л. 1об.]. Таким образом, государственные служащие всегда имели перед глазами напоминание о том, что они служат государю (шире – государству) и должны осуществлять свою деятельность в соответствии с нормами законов.

Примечательно, что иконы и зеркала являлись необходимой частью интерьера органов власти XVIII в. Они имели символическое значение и оказывали воздействие не только на государственных служащих, но и на просителей и других посетителей региональных канцелярий. С одной стороны, они олицетворяли традиционные ценности, в соответствии с которыми суд и управление требовалось осуществлять правдиво, с оглядкой на Бога. С другой стороны, в дискурсе власти этого времени вошли введенные Петром I идеи об общественном благе, строгом следовании букве закона и безволокитном решении дел. Они подкреплялись угрозой наказания, прописанной в указах 1710-х – начала 1720-х гг., которые были помещены на зеркалах.

Прочими предметами мебели и обстановки канцелярии практически не снабжались. Например, часы имелись далеко не во всех присутственных местах. Так как часы «с боем» стоили дорого, их, как правило, заменяли на часы других конструкций. Например, 15 августа 1761 г. в Березовской воеводской канцелярии рассматривался указ из Сибирской губернской канцелярии, повелевавший «репортовать», «где и в каких местах есть боевые часы, и в которых местах нет», «песошные часы зделать подрядить». Воевода М. М. Черкашенинов приказал ответить в губернский центр, что «по справке в Березовской воеводской канцелярии означенных боевых часов не имеетца, а имеютца во оной канцелярии из давних лет песошные часы» [РГАДА, ф. 462, оп. 1, д. 2, л. 449]. Как правило, в росписных списках, где описывалось имущество воеводской канцелярии при ее передаче от одного воеводы другому, часы как элемент обстановки канцелярии воеводы не упоминаются.

Таким образом, во внешнем виде и обстановке воеводских канцелярий второй четверти – середины XVIII в. сохранялись как традиционные, так и новые черты. Примечательно, что органы власти на местах не получали должного материального обеспечения. Как правило, их внешний облик оставлял желать лучшего. Здания воеводских канцелярий, впрочем, как и их внутренняя обстановка, с наибольшей долей вероятности не вызывали пиетета у посетителей. Символическое значение имели лишь иконы и зеркала, наличие которых было призвано справедливо и честно решать все рассматриваемые дела.

Академическая история Югры : в 8 т. / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. Ханты-Мансийск: АО Изд. дом «Новости Югры», 2024. Т. 4.

Бакланова Н. А. Обстановка московских приказов в XVII в. // Труды ГИМ. М.: ГИМ, 1926. С. 53–100.

Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М.: тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1913. Т. 1.

Макаров Н. А., Коваль В. Ю., Модин Р. Н., Панченко К. И., Яганов А. В. Новые исследования в Московском Кремле: раскопки здания Приказов // Российская археология. 2020. № 3. С. 96–113.

Мильчик М. И. Город Холмогор был многолюден и знаменит: Очерк градостроительной и архитектурной истории. СПб.: Лики России, 2013.

Мильчик М. И. Каргополь. Деревянная крепость и остроги по реке Онеге. СПб.: Лики России, 2008.

Плоткин К. М. Псковская Приказная палата XVII века (проблема воссоздания интерьеров и музеефикации памятника) // Древний Псков: История. Искусство. Археология: Новые исследования: [ст.]. Псков: Изобразительное искусство, 1988. С. 269–278.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ РИ-1). СПб.: Тип. II Отд. С. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. VIII. 1728–1732.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Ф. 425. Вятская провинциальная канцелярия.

Ф. 462. Березовская воеводская канцелярия.

Ф. 800. Сургутская воеводская канцелярия.

Русское старожилческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв.: исследоват. материалы и док. М.: Галерея, 2007.

Спегальский Ю. П. Псков. 2-е изд., доп. Л.: Искусство, 1978.

Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. L.: Yale university press, 2000.

УДК 908(470+571)

Д. А. Ренев

Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Пермь

МЕЛЬНИЦЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГОРОДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПРИКАМЬЯ XVIII в.: ВОЗМОЖНОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА (НА ПРИМЕРЕ г. КУНГУР)¹

В статье рассматриваются мельничные владения выборных членов провинциального кунгурского магистрата и посадских людей. Делается вывод о том, что существенную часть всех владельцев мельниц составляли посадские люди. На основе данных об окладах с мельниц определено, что посадские люди владели высокодоходными мельницами. При помощи математико-картографической модели выявлено, что мельницы, принадлежащие посадским людям, располагались в Кунгурском уезде недалеко от его центра.

Ключевые слова: городские учреждения, магистраты, Пермский провинциальный магистрат, Прикамье, мельницы, Кунгур.

В 1648 г. на территории Прикамья создается новый уезд с центром в небольшом остроге Кунгур, получивший свое название от одноименной реки, которая недалеко от нового поселения впадала в р. Ирень [Чагин, Шилов, 2008, с. 10]. Однако на этом месте острог простоял недолго – в 1662 г. в ходе нападения местных татар и уфимских башкир крепость была сожжена, а жители были убиты или взяты в плен. На новом месте Кунгур был основан по указу Алексея Михайловича в 1663 г. недалеко от слияния р. Сылвы и Ирень [Там же, с. 11]. Благоприятное географическое положение дало толчок для развития

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01070 «Модели городского управления Прикамья XVIII–XIX вв.: ресурсы и инструменты принятия решений», <https://rscf.ru/project/24-28-01070/>.